

“Я ЗА ЗЕМЛЮ ЗУБАМИ ДЕРЖУСЬ...”

Денис Михайлович Цветков – легенда иркутской поэзии. В Прибайкалье ценители подлинного русского слова хорошо знают старейшего сибирского поэта, автора многих книг, да ещё и замечательного художника, который оформляет собственные сборники стихов. Родился поэт 21 декабря 1921 года.

Стихи Дениса Цветкова высоко ценил выдающийся русский поэт, лауреат Государственных премий Василий Фёдоров и долгие годы был ближайшим его другом, поскольку свой творческий путь они начинали в одно и то же время и в одном и том же сибирском городе – Иркутске. Василий Федоров работал на Иркутском авиационном заводе. В эти годы им была написана знаменитая поэма “Седьмое небо”. Здесь же трудился, сначала в редакции заводской газеты, а потом художником – Денис Цветков.

Стихи он начал писать в 12 лет, а в 1938 году, в 17 лет стал публиковаться в иркутской периодике: в газетах “Советская молодёжь” и “Восточно-Сибирская правда”.

Он дружил со многими известными иркутскими писателями: с автором романа “Даурия” Константином Седых, с неподражаемым сибирским сказочником Василием Стародумовым, с замечательным писателем-фронтовиком Алексеем Зверевым, чьи романы и повести “Раны”, “Выздоровление”, “Гарусный платок”, “Далеко в стране Иркутской” ныне стали русской сибирской классикой.

Рядом с Денисом Цветковым работали в газете Иркутского авиационного завода известные в стране писатели Ким Балков и Евгений Суворов, читал и восхищался его стихами Геннадий Машкин. В 1973 году у поэта вышла в свет первая книга стихов “Высоковольтка”, появились публикации в журналах “Ангара”, “Сибирь”, “Сибирские огни”.

Долгое время Денис Михайлович Цветков не публиковал свои книги по разным причинам. И одна из главных: Восточно-Сибирское книжное издательство определило себе за правило отправлять стихи неугодных издательству авторов в другие регионы России: в Новосибирск, Омск, Москву, откуда приходили разгромные рецензии на книги иркутских писателей.

Я сам однажды получил такую рецензию от мало кому известной новосибирской поэтессы Нинель Созиновой. Кто нынче помнит её имя? Пожалуй, никто. После того, как Денису Цветкову выдали в издательстве подобную разгромную рецензию, он перестал бороться за свои стихи и книги. Денис Михайлович, как однажды он выразился, “устал от XX века”.

Не случайно в конце двадцатого века ему были душевно близки стихи известного русского поэта Владимира Соколова:

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных век.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.

И, во-вторых, он всегда был гордым, знавшим себе цену писателем и как-то написал такие афористические строки:

Пусть иные злословят порой:
Мол, смотрите-ка,
Гордый какой!
Да, я гордый! И этим горжусь.
Я за землю зубами держусь.

Примечательно, что почти все упоминаемые мной книги поэта вышли уже в двадцать первом веке. В 2000 году у него вышел сборник стихов “Годовые кольца”, в котором поэт предстаёт мудрым и значительным философом, про-

жившим, казалось бы, счастливую, но и тяжёлую, напряжённую жизнь, где происходили великие события: война и Победа, строительство и разрушение великой страны, где случались, неразделимые друг с другом, радости и горести нашей непростой русской жизни, так или иначе формировавшие стилистику и философию поэзии Дениса Цветкова:

Да, что верно, то верно —
Мы счастливы, ребята!
Был у нас — сорок первый,
Был у нас — сорок пятый!

А меж ними, поверьте, —
Необычные годы:
Всё бомбёжки, да смерти,
Да бои, да походы!

В его стихах прочитывается многое, что волновало его в разные годы и что переживалось самим автором. В частности, отобразились и те самые горькие годы молчания, вернее, даже не молчания, а одностороннего общения со своим читателем, поскольку сборники стихов на протяжении двадцати с лишним лет у Цветкова не выходили, а стихи сочинялись постоянно. В них, несмотря на долгое непризнание, светилась душевная теплота и православное отношение к своим хулителям:

Меня пытали не на дыбе
И не на медленном огне...
Иные умереть могли бы,
Иль сдаться в плен, как на войне.

Меня пытали отреченьем,
Хулили мой
Негромкий стих.
Меня пытали отлученьем
От дум и помыслов моих.

Стихи — коллеги-изуверы
Калечили из года в год...
Но жил я светом Божьей веры
Среди волнений и невзгод.

Всё позади,
И путь мой светел,
И всех простить меня прошу —
Я гордо вынес пытки эти,
Но как писал,
Так и пишу!..

В 2001 году вышла в свет книга стихов “Вечерний звон”, в которой поэт опубликовал стихи, написанные как в семидесятые, так и в девяностые годы, где с грустью вспоминает минувшее время и ту, теперь уже не существующую, страну:

О прошлом вспоминаю я, скорбя.
Моя страна —
Был мой огромный дом.
Я Человеком чувствовал себя,
Где с детских лет
Мне каждый был знаком.

Мы вместе молотили на току,
Плясали до упаду под гармонь

И лошадей ловили на скаку,
Кидмя кидались в воду и огонь!

Следующий сборник стихов “Признание в любви” включает в себе размышления автора о Родине и деревне, признание в любви родному краю и любимой женщине, грустным русским просторам, лугам и пашням. В некоторых своих произведениях Денис Цветков поднимается до тютчевской высоты:

Что будет с нами,
Я не знаю
И не боюсь прослыть невеждой.
Былое
Я не проклинаю,
В грядущее —
Гляжу с надеждой.
Весь путь России — многотруден.
Куда ни глянь, —
Одни потери...
Россия — есть!
Россия — будет!
В Россию
Не могу не верить!..

Любовь к отчему краю у русского поэта Дениса Цветкова неизмеримо глубока, и эта любовь — одна из главных тем его поэзии. Мне хочется процитировать ещё одно удивительно чистое, неудержимо-русское, раздольное стихотворение:

Неоглядное раздолье,
Расписные терема...
Русь моя —
Ржаное поле,
Самоцветов закрома!

Куропатки, перепёлки,
Черно-бурая тайга.
И берёзовые колки,
И снега,
Снега,
Снега!..

В 2006 году у Дениса Цветкова, когда ему исполнилось 85 лет, вышли в свет сразу две книги: “Стихотворения” и “Избранные стихи”. Думаю, что такой работоспособностью, какой обладает наш замечательный иркутский поэт, не обладают очень многие молодые авторы. И дай-то Бог!

Сейчас Денис Михайлович приготовил к печати новую книгу стихов и трёхтомник прозы под названием “Исповедь”, в котором уложились рассказы и автобиографические воспоминания о детстве, юности, зрелых годах жизни, о войне и, конечно же, о событиях жизни современной, показанной через призму мудрого взгляда и любящего сердца.

В Иркутске читателей и почитателей у него достаточно. Только на одном знаменитом Иркутском авиационном заводе — их тысячи. Очень многие строители крылатых машин несомненно помнят и любят Цветкова, постоянно читают его произведения в заводской газете “Иркутский авиастроитель”, а его книги раскупаются заводчанами мгновенно. Думаю, что и читатели журнала “Наш современник” оценят и полюбят лирику русского поэта Дениса Михайловича Цветкова, которого мы все поздравляем с 90-летием.

Владимир СКИФ

ДЕНИС ЦВЕТКОВ

СКРИПИТ, СКРИПИТ ЗЕМНАЯ ОСЬ...

* * *

На белом свете
Пожил я немало.
За правду был готов я лечь костью.
Но вера в справедливость убывала,
А вот сомненья,
Как сорняк, росли.
И это всё достойно сожаленья:
Жить на планете
Стало невтерпёж.
Сегодня на земле — столпотворенье,
Где правит бал
Заведомая ложь!

А с ней, как с сумасшедшим, нету сладу.
Ни в центре,
Ни на краешке земли.
Её давно
Подделали под правду
И в генеральский чин произвели!

С ней, вездесущей,
В жизни плохи шутки.
Она готова всё повергнуть в прах.
Она жила досель
В суфлёрской будке,
Теперь же
Процветает во дворцах!..

2005 г.

“КУКУШКА”

Я “вычислил” в тот раз “кукушку”.
(То снайпер-итальянец был.)
Я трижды
Брал его на мушку
И трижды мушку отводил.
А он,
Агиткой сбитый с толку,
И зла к соседу не тая,
Читал вчерашнюю листовку,
Едва губами шевеля.

К нему
Проникся я доверьем:
Наверно, есть жена, семья?!.
Передо мной
Сидел “деревня”,
Такой же парень, как и я.

Но чудо всё же есть на свете.
Хотя его
Порой не ждём.
Меня он тоже заметил,
Но продолжал играть с огнём!
Земля была
В холодном поте,
И на кону стояла жизнь.
Но, взвесив все
И “за” и “против”,
Мы любововно разошлись.

Война — волшебная наука.
И мне маячил трибунал.
И если бы
Не маршал Жуков, —
Ты б эти строки
Не читал!..

2010 г.

МОЙ ПАРНАС

Колóк тот белый
Мне доселе снится.
Дремал он, опрокинувшись, в реке.
На ветке звонко тенькала синица,
Качаясь в изумрудном гамаке.

А рыжики — мохнатые трофеи —
Играли с нами в прятки до поры.
От пней,
Как заколдованные змеи,
Литые корни среди травы ползли.

Среди тайги
Пел ключик говорливый,
И ручеёк, скакавший босиком.
Там днём и ночью косы мыли ивы,
Причёсываясь свежим ветерком.

Дымился август...
Лето на излёте.
Всему на свете предначертан срок:
В тот день в моём
Замызганном блокноте
Вдруг появилась пара
Дивных строк.

Я с малолетства
Ненавидел сплетни.
Меня считали баловнем судьбы.
На свой Парнас
Забрёл я восьмилетним,
Когда ходил
С сестрёнкой по грибы.

2011 г.

* * *

Земля — кибитка под шатром,
А мы, по сути,
Все цыгане:
Рождаемся... Ну, а потом
Кочуем в звёздном океане.

Кочуем... Нам и горя нет:
Кибитка не сойдёт с орбиты!
Пусть хлещут молнии вослед,
Пусть рвут шатёр метеориты!

А жизнь нас бьёт
И вкривь, и вкось,
Прямой наводкой, как из пушки...
Скрипит, скрипит земная ось,
Напоминая плач кукушки!..

1999 г.

* * *

Мне кажется, что мир сошёл с ума:
Он сам себя
Завёл в свою ловушку.
И ты, и я,
И Мать-Земля сама

Давно взяты маньяками на мушку!
И не поймёшь,
Кто друг тебе, кто враг.
Пророки лгут,
Блаженства всем пророча.
А ведь всего один
Неверный шаг, —
И от Земли останутся лишь клочья!

И станет Космос
Вновь и глух, и нем.
Свеча угаснет в звёздном океане.
Над бездною умолкнет “Реквием”,
Что прогундосят
Инопланетяне!
От горя поседевшая Луна
Устанет озираясь осовело:
Не вспомнит, безутешная, она,
Где “право” у неё теперь, где “лево”.
Лишь Солнце,
Как заботливая мать,
Пошлёт своих гонцов по белу свету,
Надеясь во вселенной отыскать
Свою голубоглазую Планету!

И век за веком
Будет время плыть
Бесцельно, монотонно и уныло.
Как будто так
Оно должно и быть,
Как будто так
Оно всегда и было!..

1999 г.

ТРОН

Мы — не рабы.
Мы — соль земли.
Две стороны одной медали.
Мы трон российский не смели,
А просто временно убрали.

Убрали прочь с народных глаз,
Предусмотрительно прикрыли:
А вдруг судьба
Заставит нас
Вернуться в дом,
Где прежде жили?!.

Где пребывали сотни лет,
С судьбою не играли в прятки.
И шли дорогою побед
От Приднепровья
До Камчатки!..

Мы — не рабы.
Мы — соль земли.

Две стороны одной медали.
Мы трон российский не смели,
А просто временно убрали!..

2010 г.

* * *

Порой до рассвета
Мне что-то не спится,
Хотя засыпал я обычно мгновенно.
Во сне же мне поле
Бескрайнее снится,
А в поле — комбайны
Во ржи по колено.

За тихим Чулымом —
Луга заливные.
В реке отражаются солнца осколки.
А по небу —
Тучки снуют озорные,
И до горизонта
Всё колки и колки.

На взгорке, у леса
Стоит деревенька.
Она с давних пор пребывает в опале.
Там девичьих песен
Не слышно давненько,
Что спать по ночам мужикам не давали.

В деревне теперь
Ни пера и ни пуха.
С тоской вспоминают о кладе зарытом.
В ней век доживают
Старик со старухой,
Вздыхая досель над разбитым корытом.

2010 г.

* * *

Стихи я плёл,
Как мама кружева.
Соседи удивлялись: вот кудесник!
И память обо мне
В селе жива,
Но позабыты все былые песни.

Бывало,
Несмотря на недород,
Что жизнь селу подставила подножку,
Вся молодёжь,
Собравшись в хоровод,
До зорьки веселилась под гармошку.

Ходили вдоль села
Туда-сюда,
Луна им дирижировала свыше.
Гудели, подпевая, провода,
Ныряя под соломенные крыши.

А поутру,
Едва убрав кровать,
И чтоб не получить, как в школе, “двойку”,
Спешили, как в кино, не опоздать,
Кто в поле,
Кто на утреннюю дойку.

Жаль, песен тех
Там больше не поют.
А старики, как я,
Своё отпели...
Теперь в деревне
Только водку пьют
И шуку, что поймал Емеля —
Съели!

2007 г.

В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ

На днях
В одном читальном зале,
Как будто в сказке иль во сне,
Я встретил сам себя в журнале,
Был сам с собой наедине.
Сидел я тихо в кабинете,
Стихи забытые читал,
А тот, другой, глядел с портрета
И сам себя не узнавал.

Смотрел спокойно, не моргая,
На двойника,
Что рядом был,
И, даже рта не открывая,
Он вдруг
Потерянно спросил:
Ну, как идут твои делишки?
Всё снятся ужасы войны?
Как поживают ребятишки?
Как самочувствие жены?

И я,
В читальне гость случайный,
В благоговейнейшей тиши,
Поведал родственнику тайны
Своей измученной души.
Сказал, что всё идёт нормально,
Сыны мои уже деды.
Что он, счастливчик,
Червь журнальный,
Вселенской не познал беды.

Ведь не взирая на объятия,
То, что случилось —
Стыд и срам:
От нас ушли меньшие братья
И разбрелись по хуторам.
Страны,
Которой присягали
В свои неполных двадцать лет,
Той,
Что мы в битвах отстояли,
На карте мира
Больше нет!!!

Заныла на сердце заплата.
В крови кипел девятый вал.
Мне кажется,
Портрет заплакал,
Я в ужасе — закрыл журнал.

2002 г.